

наказания) монография вносит вклад наблюдениями о создании «костяка» управленцев, о прохождении ими ступеней своеобразной «служебной лестницы», о магистрате как школе городского управления и в связи с этим – об отсутствии «случайных людей на выборных должностях» и об управленческом опыте как критерии занятия высокого поста. Описание функциональных обязанностей ратмана-«расходчика» вообще ставит вопрос о профессионализации верхушки самоуправления.

Единственным, на наш взгляд, недостатком работы является отсутствие определения понятия «городское хозяйство». Однако это не

уменьшает достоинств исследований Андреева, благодаря которым историческая наука обогатилась тремя полноценными исследованиями: историей пермского городского самоуправления, историографией проблем изучения российского города и размышлениями зрелого профессионала-практика о значении данной темы в историографическом процессе с методологической точки зрения.

С.В. Голикова,
доктор исторических наук,
Л.А. Дашкевич, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН)

Е.Ю. Тихонова. Русские мыслители о В.Г. Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Совпадение, 2009. 327 с.

Настоящая книга безвременно скончавшейся Е.Ю. Тихоновой (1953–2008) – замечательное исследование, замыкающее целый ряд ее монографий, посвященных характеристике личности и творчества В.Г. Белинского¹. Особенностью всех этих работ стал отход от неисторичного, но за многие десятилетия ставшего, увы, привычным образа «революционного демократа» и «одного из великих предшественников русской социал-демократии»². В своих книгах и статьях Тихонова вернула Белинского из вневременного пантеона непререкаемых авторитетов в круг людей 1830–1840-х гг., с их спорами, надеждами, разочарованиями, бесконечными личными столкновениями и драмами. И как ни странно, от этого он оказался лишь ближе современному читателю. Благодаря блестящему знанию и глубокому анализу источников в работах Тихоновой голос «человека без маски» зазвучал со страниц его писем и статей более внятно, живо, а иногда и неожиданно, он уже ничем не напоминал монотонную речь хрестоматийного классика. Разумеется, это вовсе не означало какого-либо «разоблачения» критика или «принижения» его значения в истории русской общественной мысли. Напротив, для Тихоновой всегда было характерно внимательное и сочувственное отношение к исканиям Белинского, никогда не переходившее, однако, в апологетическое восхваление. Оставаясь критичной и подчеркнуто корректной в освещении исторических событий и лиц, она сумела выразить и передать чувство симпатии к своему герою.

Тщательно было изучено Е.Ю. Тихоновой и осмысление современниками и потомками «роли Белинского в общественной мысли 1830–1840-х гг.». В изданной уже посмертно ее монографии творчество Белинского пред-

стает как предмет бесчисленных интерпретаций публицистов, историков, литературоведов, философов различных поколений и взглядов. Хронологически книга охватывает целое столетие – со второй половины 1850-х гг. до середины 1950-х гг., причем, кажется, ни одно значимое суждение о Белинском, сделанное в это время, не осталось вне поля зрения автора.

Справедливо отмечая, что «в западничестве 1840-х гг. не сложилось революционного и либерального течений» (с. 218), Тихонова пишет: «Белинский, подобно Пушкину в литературе, заложил в общественной мысли основу многих теорий» (с. 36). Неудивительно, что его наследие в 1850–1860-х гг. оказывалось по-своему близким публицистам и критикам самых разных «направлений» и взглядов. Так, с А.В. Дружининым его сближали «отказ считать личность орудием мирового прогресса» и «пафос любви к искусству», с А.А. Григорьевым – утверждение «интуитивности художественного творчества» и «права личности на полнокровность», а также отрицание «предустановленной прогрессивности истории», «разрушитель эстетики» Д.И. Писарев «довел до предела просветительские элементы мировоззрения Белинского и вместе с тем подхватил пафос его борьбы с традиционностью во всех сферах жизни» и т.д. При этом никто из них не являлся прямым последователем и продолжателем Белинского, хотя они не раз апеллировали к его идеям и мнениям. Как показала Тихонова, слишком уж велики и существенны были расхождения в позициях и устремлениях между ним и журналистами 1850–1860-х гг. По мнению Тихоновой, «надежды деятелей 1860-х гг. увидеть Белинского безраздельно захваченным своей “правдой” оказались бы обманутыми живым критиком» (с. 23).

В полной мере это относится и к радикальным публицистам пореформенного времени. И если «в советской историографии концепции “революционных демократов” рассматривались как прямое продолжение социальных и эстетических принципов Белинского», то «на самом деле их соотношение было сложным»: сближаясь с Белинским «в стремлении к созданию моральных ориентиров внутренне свободного человека», Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев и другие резко расходились с ним в понимании эстетики, культуры, роли личности в истории и искусстве (с. 36). Тонко подмечено Тихоновой и отсутствие у русских радикалов второй половины XIX в. той цельности мирозерцания и того единства убеждений и чувств, которые были столь характерны для Белинского, хотя и ему не раз приходилось мучительно преодолевать «разлад между внутренним состоянием и избранной идейной позицией» (с. 43). По-видимому, этим объяснялось и то, что понимание опасных и даже катастрофических последствий социального взрыва в России, также сближавшее Белинского с Чернышевским (с. 45), отнюдь не препятствовало активной революционной деятельности последнего. Политические же замыслы радикалов 1860-х гг. имели мало общего с теми преобразованиями, которых желал для России Белинский (с. 72, 212–217).

Весьма характеристичен и проведенный Тихоновой сравнительный анализ взглядов Белинского и Н.К. Михайловского. Отстаивая значимость личностного начала в истории и принцип «гуманной субъективности» в искусстве, Белинский, по словам исследовательницы, «являлся прямым предшественником субъективного метода в социологии» (с. 81–82, 186). «Однако, – указывает Тихонова, – народническое возвышение крестьянства как ведущей нравственной и культурной силы над образованной частью нации, скепсис к завоеваниям цивилизации, признание вины интеллигента перед трудящимися классами, вера в жизнеспособность общины не находят истоков в мирозерцании Белинского» (с. 186). В эстетике несовпадение их установок было еще более резким: «От литературного произведения Михайловский требовал тенденции, тогда как Белинский – возможно более полного отображения жизни» (с. 80). Не случайно, видимо, Михайловский, «с уважением упоминая имя Белинского как зачинателя демократической мысли в России и неизменно защищая его от нападок консервативных и славянофильских публицистов», не только «не числил его все же своим учителем», но и «не проявил активного интереса к его философии» (с. 186). Таким об-

разом, уже в пореформенное время Белинский начал восприниматься не столько как критик, чьи статьи заставляют размышлять и спорить, но скорее как символ определенного («западнического» или «демократического») направления. Не с этим ли, кстати, было связано и известное изменение в 1860-х гг. отзывов о Белинском Ф.М. Достоевского?

Значительные различия в мировоззрении Белинского и радикалов 1860–1870-х гг., на которые указала Тихонова, невольно заставляют задуматься о том, какой была бы его идейная эволюция в пореформенные годы? Не обходя стороной этот вопрос, по-разному решавшийся в историографии, исследовательница дала на него несколько уклончивый, но в то же время едва ли не единственно возможный, со строго научной точки зрения, ответ. «Личность Белинского, – полагала она, – слишком своеобразна, непредсказуема и подвижна, чтобы безоговорочно вписаться в рамки какого-либо из общественных течений последующего времени» (с. 23). Характеризуя затем предположение Р.В. Иванова-Разумника о том, что «не оборвись столь рано жизнь критика, он присоединился бы к общинному социализму Герцена», Тихонова отметила: «Это, однако, не более вероятно, чем виртуальное размещение Белинского в каком-либо ином идейном стане» (с. 179).

Видя в полемике А.И. Герцена и И.С. Тургенева «о русском варианте социализма» в 1860-х гг. своеобразное продолжение споров Белинского как со славянофилами, так и с друзьями-западниками, исследовательница констатировала, что в ней «ближе к Белинскому оказался Тургенев, который при понимании пороков цивилизации выступил в защиту ее общечеловеческих принципов и усомнился в коллективистских свойствах русского крестьянства, ставших объектом веры славянофилов и народников» (с. 54–57, 185). Но признавая, что «возражения, сделанные Герцену Тургеневым, в целом можно считать соответствующими духу общественных взглядов Белинского», невозможно, конечно, даже попытаться «угадать», как отнесся бы к ним сам Виссарион Григорьевич. Трудно допустить, что, пережив не один мировоззренческий кризис, испытывая влияние философских систем Фихте и Гегеля, пройдя увлечение социализмом и сумев к концу 1840-х гг. его преодолеть, он вдруг прервал бы свои идейные искания в условиях бурных перемен эпохи Великих реформ. И этот поиск, при свойственной его характеру решительности и искренности, естественно мог принять самые неожиданные и причудливые формы.

Показателен в этом отношении путь, пройденный в 1860–1870-х гг. учеником Белинско-

го профессором К.Д. Кавелиным. В своей монографии Тихонова подробно рассматривает влияние учителя и критика на его взгляды, находя, что «либерализм Кавелина родственен общественным стремлениям Белинского по пониманию особенности русского развития “сверху вниз”, по опоре на государственность», хотя «реформаторство Белинского более демократично» и больше тяготеет к «новациям», тогда как «умеренность Кавелина исторически не столь вынуждена, она более органична его натуре» (с. 74–75). «В политической теории, в этике, – пишет Тихонова, – его “диалог” с бывшим соратником по западническому кружку порой превращался в отстаивание традиции перед последовательным антитрадиционализмом Белинского» (с. 75). Между тем «для Кавелина самодержавие из исторически обусловленной реалии превращалось с течением времени в общественный идеал» (с. 73). Схожую эволюцию в пореформенное время проделал и другой активный участник преобразований 1860-х гг. Н.А. Милютин, в молодости также испытывавший сильное влияние публицистики Белинского. Нельзя полностью исключить (как нельзя, конечно же, это и утверждать), что к подобным взглядам пришел бы в 1860-х гг. и сам критик, в 1840-х гг. придерживавшийся республиканских убеждений. Во всяком случае, его слова о том, что «для России нужен новый Петр Великий» и высокая оценка реформаторских возможностей, «мудрости и твердой воли» Николая I (данная в декабре 1847 г. за границей в частной переписке), делали подобный поворот вполне возможным.

В своей монографии Тихонова обстоятельно освещает начало научного изучения творчества Белинского, пристально всматривается в подходы автора «первой документальной его биографии» А.Н. Пыпина, а также А.Н. Веселовского, И.Н. Жданова, Н.А. Котляревского, С.А. Венгерова, М.М. Филиппова, Е.А. Соловьева, Ю.И. Айхенвальда, П.Н. Сакулина, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Р.В. Иванова-Разумника и многих других. При этом ею характеризуются не только монографии и статьи, но и рефераты, лекции и даже пособия для гимназистов. Высокую оценку исследовательница дает и воспоминаниям П.В. Анненкова, которые, по ее словам, «тяготеют более к научному исследованию, чем к художественному повествованию», а по значению «стоят в одном ряду с “Былым и думами” Герцена» (с. 64). Особенности этого «мемуарного исследования» – «спокойный тон, предельная точность, ненавязчивость характеристик при их проникновенности, идеологическая нейтральность» – сделали «Замечательное десятилетие» «надежным звеном в передаче информации о

Белинском деятелям следующих поколений» (с. 66–67). Мемуары Анненкова, учитывая его контакты с Пыпиным, представляют собою также любопытный пример взаимовлияния свидетелей современников и первых исследователей работ. Так, если отдельные положения книги Пыпина были «подсказаны» Анненковым или восходили к нему (с. 62), то и сам Анненков в своих воспоминаниях, опубликованных уже после выхода пыпинского труда, развивал некоторые его утверждения (с. 63). Отчасти это взаимовлияние прослеживается и в «Заметках о личности Белинского» И.А. Гончарова, написанных по просьбе Пыпина (с. 67).

Большое внимание уделено Тихоновой преломлению идей Белинского в спорах конца XIX – начала XX в. Его представлены суждения философов и публицистов едва ли не всех течений и «направлений» того времени – гегельянцев и позитивистов, народников и марксистов, символистов, «веховцев» и их оппонентов и т.д. Ярko написаны разделы, посвященные размышлениям А.Л. Волынского, П.Б. Струве, П.Н. Милокова, Г.В. Плеханова, Г.Г. Шпета³, «религиозных философов» (В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, М.О. Гершензона, Д.С. Мережковского), не менее содержательны более краткие характеристики работ А.А. Корнилова, М.М. Ковалевского. В.Я. Яковлева (Богучарского), П.А. Берлина, В.И. Ульянова (Н. Ленина), П.А. Кропоткина и др. Довольно неожиданным, хотя и весьма интересным, является сопоставление взглядов Белинского и В.В. Стасова (с. 85–91).

В целом, исследование Тихоновой выходит далеко за рамки собственно «белинсковедения», это книга о русской общественной мысли, которая раскрывается через опыт осмысления наследия одного из ее творцов. На страницах монографии воссоздан многогранный, «полифонический» диалог, в котором выявляются позиции Белинского, его современников, позднейших интерпретаторов, наконец, самой исследовательницы. Голоса крупнейших русских мыслителей XIX–XX вв. перекликаются в нем с замечаниями малоизвестных авторов, что создает ощущение полноты и детальной проработанности богатейшего материала.

Столь же значима и вторая часть книги Е.Ю. Тихоновой. Но если первая ее часть – «Оценка трудов Белинского в русской литературе (1850-е гг. – 1918 г.)» – была, по-видимому, полностью подготовлена автором (об этом, в частности, свидетельствует наличие у нее собственного «введения» и «заключения»), то вторая – «Оценка трудов Белинского в советской литературе (1920-е гг. – первая половина

1950-х гг.)) – осталась незавершенной. Она состоит из двух глав-очерков – «Классовый подход к наследию Белинского (1920-е гг. – первая половина 1930-х гг.)» и «Миф о Белинском (вторая половина 1930-х гг. – первая половина 1950-х гг.)», однако, судя по опубликованному в качестве приложения «Списку литературы о Белинском (1956 г. – 1980-е гг.)», исследование должно было охватить весь период существования советской историографии. К сожалению, исследовательница не успела полностью осуществить свой замысел.

Впрочем, быть может, именно в этой, неоконченной, части книги с особой силой проявился профессионализм историка. Тихонова прямо указывает на то, что «миф о Белинском, созданный в сталинскую эпоху, оказал тормозящее влияние на изучение русской демократической мысли», поскольку, «закрепившись в обывательском сознании через школьные учебники, популярную литературу, он до сегодняшнего дня отвращает интерес общества от творчества Белинского, вызывая ассоциацию с чем-то плоско-прямолинейным, с псевдореволюционной фразой и идеологией авторитаризма», (с. 252). Однако, раскрывая механизм и мотивы создания «мифа о Белинском», являвшегося «одной из составляющих правительственной идеологии», и показывая несоответствие мифологизированного образа имеющимся источникам, Тихонова была все же бесконечно далека от «обличения» или умаления действительных заслуг ее предшественников, писавших в тяжелое для исследователей время.

Напротив, данная книга может служить образцом бережного и вместе с тем честного отношения к историографической традиции во всей ее противоречивой сложности. Несмотря на то, что с середины 1930-х гг. «научный поиск, подразумевающий раскованность мысли, возможность выдвижения любых гипотез, был фактически под запретом», как отмечает Тихонова, «не стоит относиться к мифу о Белинском как к порождению халтуры и невежества»: «В его создании участвовали знающие философы и литературоведы, порой не чуждые стремления к объективности, не выходящей, однако, за рамки дозволенных установок. В отдельных аспектах мифологизированных представлений о Белинском есть и верные наблюдения. Если самому непредвзятому исследователю исторической “природы” не удастся достичь истины в полном объеме, то, равным образом, самая недобросовестная теория не может исключить из себя всякое соответствие с познаваемым предметом. Абсолютная ложь, как абсолютная истина, недоступны человеческому уму» (с. 208). Такая исходная установка позволила

автору не только демифологизировать образ критика, но и увидеть в созданном вокруг него мифе явление исторического самосознания советской эпохи.

В основе мифа о Белинском лежала потребность определить прежде всего «социальные ориентиры» и «классовую сущность» его творчества. «Вульгарно-классовый подход к изучению общественной мысли» вообще и наследия Белинского в частности восходил еще к народнической публицистике – к «Отечественным запискам» 1870–1880-х гг. и работам А.М. Скабичевского (с. 77). В 1920-х гг. «право голоса» уже «имели в основном марксистские авторы», и хотя «это был “пестрый” марксизм, на представление которого претендовали и большевики разной степени ортодоксальности, и бывшие меньшевики, и даже либералы», тем не менее «это влекло агрессивное неприятие чужих платформ и подозрительное отношение к таким интеллектуалам марксизма, как Плеханов» (с. 193, 207–208). «Вместе с тем, – отмечает Тихонова, – парадокс изучения творчества Белинского состоял в том, что авторы, настаивавшие на “чистоте” социалистической идеологии и недопущении в нее “мелкобуржуазных” уклонов, разглядели в Белинском не столько социалиста, сколько демократа-либерала» (с. 207). Только на рубеже 1930–1940-х гг. на критика была окончательно надеята «маска революционного демократа», предшественника русской социал-демократии и одного из «гигантов художественного творчества и научной мысли», пропагандировавшего будто бы крестьянскую революцию и чуть ли не сформулировавшего принцип «партийности» в литературе (с. 212–213, 239, 248). В дальнейшем, «в 1940–1950-х гг. внимание исследователей переключилось на анализ сочинений Белинского в источниковедческом плане», а «в 1960–1980-х гг. появились ценные исследования литературных воззрений и методических приемов критики художественных произведений». В результате, «поступательное развитие “белинсковедения” во второй половине XX в. заключалось в преодолении старых схем, прежде всего в области литературоведения» (с. 252).

«Был ли Белинский в действительности “революционером-демократом”?, – ставит вопрос Тихонова. – Демократом – безусловно, если учесть, что демократизм его носил личностный характер. Его заботил не народ, а человек из народа, равный в своих возможностях человеку из “общества”, что требовало открыть пути для их реализации. Говоря о другой составляющей термина, важно помнить, что, приветствуя революцию как европейское явление, Белинский не примеривал ее к рус-

ской действительности. Для интеллигента в России есть два средства – “кафедра и журнал – все остальное вздор”... Вопрос о революции в России для него не стоял: ее прогресс – в реформах правительства» (с. 212–213). Монографии Тихоновой, основанные на глубоком анализе всех дошедших до нас источников, отразивших взгляды Белинского, не позволяют усомниться в точности этого заключения.

Конечно, не со всем можно согласиться и в книге Е.Ю. Тихоновой. Так, несколько непоследовательно причисление А.А. Григорьева одновременно и к почвенничеству (с. 21, 183–184), и к славянофильству (с. 33, 35). Последнее к тому же более чем спорно. Весьма неудачна и характеристика славянофильства «как разновидности религиозного социализма» (с. 180) и тем более «феодального социализма» (с. 44). Между тем тезис о «патриархально-социалистическом» характере взглядов славянофилов – одно из принципиальных положений концепции Тихоновой, основанное на некотором преувеличении «общинной» составляющей их мировоззрения⁴. Нельзя без оговорок принятия и утверждение о том, что «философско-этическое учение» А.И. Герцена «и сейчас не вполне освоено общественным сознанием как непокоренная вершина мировой философии» (с. 53). Уж очень неприглядно воплотилось это учение и в личной жизни, и в общественной деятельности своего создателя.

Сомнительно также, что именно религиозно индифферентный позитивист П.Н. Миллюков сумел дать верную характеристику духовных исканий Белинского и его современников. Все же представления Миллюкова о религиозности народа и церковной жизни России первой половины XIX в. были по меньшей мере узки и поверхностны. Только этим и можно объяснить то, что, по его мнению, во времена преп. Серафима Саровского, оптинских старцев, святителей Филарета (Дроздова) и Игнатия (Брянчанинова) «живых религиозных переживаний вовсе не имелось налицо» (с. 117–118). Вообще же религиозные взгляды молившегося «атеиста» Белинского, которому мерещился «хвост дьявола» (с. 23), освещены в работах Тихоновой, пожалуй, наиболее скупо, и еще ждут специального исследования. Во всяком случае, приведенные ею в книге цитаты из писем Белинского не могут не привлечь внимание к этой теме. Тогда, возможно, удастся скорректировать те замечания историка, которые пока могут вызывать только недоумение: «Белинский, отрицая Бога в онтологическом отношении, видел в религии область оправдания индивида, омовения его грехов, за которые он ответствен в реальном бытии. Диалектика христианской философии вовсе не была недо-

ступна Белинскому, но он сознавал и легкость ее перехода в софистику при восприятии Бога как существующей силы, а не как чисто субъективной величины, действительной лишь в духовно-психологическом смысле» (с. 158).

Как бы то ни было, можно только скорбеть о том, что Е.Ю. Тихонова, с присущим ей блестящим знанием источников и эпохи, их породившей, не сможет уже вернуться к этим вопросам. И все же ею заложено солидное основание для дальнейших исследований. А ее книги относятся к числу тех, которые не могут не вдохновлять как читателей, так и последователей. И тех, и других безусловно заинтересуют и включенные в книгу приложения – «Список литературы о Белинском (1956 г. – 1980-х гг.)», «Список опубликованных работ Е.Ю. Тихоновой» (составленный О.А. Пруцковой), а также небольшое, но оригинальное и очень важное для понимания терминологии русской публицистики середины XIX в. исследование Тихоновой «Понятие о личности в сочинениях Белинского» (с. 255–264). Живой интерес вызовут и открывающие монографию вступительные статьи Е.Л. Рудницкой и С.В. Тютюкина, рассказывающие о творческом пути Елены Юрьевны и высоко оценивающие ее вклад в отечественную историографию. «Тому, что она сделала в науке, – пишет С.В. Тютюкин, – несомненно суждена долгая, долгая жизнь» (с. 14). С этим, конечно же, согласятся все, кто знаком с работами Е.Ю. Тихоновой.

А.В. Мамонов,
кандидат исторических наук
(журнал «Российская история»)

Примечания

¹ Тихонова Е.Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М., 1993, изд. 2, доп. М., 1998; *ее же*. В.Г. Белинский в споре со славянофилами. М., 1999; *ее же*. Человек без маски: личность В.Г. Белинского в его переписке. М., *ее же*. Человек без маски: В.Г. Белинский. Грани творчества. М., 2006. См. также рецензию В.С. Румянцевой и В.А. Твардовской: Отечественная история. 2003. № 6. С. 193–195.

² См., напр.: Баскаков В.Г. Социологические воззрения В.Г. Белинского. М., 1948.

³ Хотя «этюд» Г.Г. Шпета «К вопросу о гегельянстве Белинского» был создан в начале 1920-х гг. и поэтому рассматривается Тихоновой уже во второй части ее книги (с. 193–196), однако, конечно, по своему духу и проблематике он гораздо органичнее вписывается в контекст полемики конца XIX – начала XX в., нежели в дискуссии советского времени. Сама

исследовательница подчеркивает, что «доклад Шпета оказался по сути лишь повтором правогебельянской критики Белинского А. Волынским и “декадентского” страха запачкать и затупить драгоценный инструментарий фи-

лософии, коснувшись жизненных отношений» (с. 196).

⁴ Подробнее см.: *Тихонова Е.Ю.* Человек без маски: В.Г. Белинский. Грани творчества. С. 224–241.

Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М.: РОССПЭН, 2008. 879 с.

29–30 сентября 2004 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась международная конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося отечественного историка, профессора Петра Андреевича Зайончковского, 35 лет преподававшего на историческом факультете МГУ (1948–1983 гг.)¹. Рецензируемый сборник, изданный по материалам этой конференции – значимое явление в современной историографии. Пожалуй, это один из наиболее содержательных «фестшрифтов», изданных в честь и в память русских историков XX в.² Его составителями стали ученики покойного профессора Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс, придерживающиеся классических традиций данного жанра, сложившихся в отечественной науке.

Как и большинство изданий подобного типа, данный сборник включает персоналогические материалы (воспоминания учеников и коллег, историографические статьи о некоторых направлениях научных поисков ученого), публикацию неизвестных еще его рукописей, исследования по истории России XVIII–XX вв., источниковедению и библиографии, прямо или опосредованно связанные с изучавшейся им тематикой (правительственный аппарат и внутренняя политика самодержавия в XIX в., судьбы государственных и общественных деятелей, подготовка и проведение крестьянской реформы, социально-экономические отношения пореформенного периода, военные реформы и офицерский корпус Русской армии второй половины XIX – начала XX в., справочники по истории дореволюционной России). В качестве приложений в книге помещены краткий перечень основных трудов Зайончковского и работ о нем³; а также, что очень важно, список монографий и наиболее важных статей его учеников – библиографический абрис созданной им научной (научно-педагогической) школы⁴.

В сборнике впервые публикуются письма Зайончковского к Ю.Г. Оксману и Л.Р. Горланову (с. 96–120) и незавершенная работа «К вопросу завоевания Средней Азии», написанная, по-видимому, на рубеже 1940-х и 1950-х гг.

(с. 36–95). Осенью 1965 г. Зайончковский на несколько дней передал ее машинописный текст своему американскому стажеру В. Бруксу, прозрачно намекая, что было бы желательно снять с нее копию. В своем предисловии к публикации, символически озаглавленном «Не только завоевание Средней Азии», Брукс рассуждает «о природе советской историографии» и отмечает, что сосредоточившись на геополитических мотивах продвижения России в Туркестан и неявно полемизируя с официальной точкой зрения, сводившей все к экономическим факторам, Зайончковский, тем самым, обратился к «более широкому и более проблематичному вопросу о причинах и природе российского империализма» (с. 30–35).

Пока сделаны только первые шаги на пути к объективной аналитической реконструкции исследовательской программы научной школы П.А. Зайончковского – тех идей и подходов, которые развивались в его работах и служили их основанием, не получив, однако, по понятным причинам необходимой концептуализации⁵. В частности, О.В. Большаковой, Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко, Л.Ф. Писарьковой и рядом других авторов были высказаны важные соображения о характере «позитивизма» Зайончковского и о его «позитивистской вере в источник», об отрицательном отношении ученого к «идеологизации» исторической науки, о понимании им роли личности в истории, о влиянии на него взглядов Ю.В. Готье – и шире – концепций «государственной школы», о том значении, которое Зайончковский придавал изучению политической истории Российской империи и ее учреждений.

Персоналогическая тематика представлена в сборнике, прежде всего, в разделах «Выступления на пленарном заседании юбилейной конференции» (речи Ю.С. Кукушкина, С.В. Мироненко, Б.В. Ананьича и Л.Г. Захаровой) и «Вспоминая Петра Андреевича», где собраны воспоминания покойных Л.Р. Горланова, В.И. Канатова и А.П. Серцовой, а также Л.В. Беловинского, И.Л. Волгина, Н.В. Зейфман, Г.Д. Карпова, З.И. Перегудовой, А.П. Шевырева и А.Д. Яновского о том, что означали в их жизни встречи с Зайончковским, общение